ПРИРОДА и ШКОЛА

ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ
Подписная цѣна на годъ—6 руб.
Редакція — Петербургъ. Рижскій пр. 4, кв. 12.
№ 1 Отдѣльн. ном.—5 коп.

СОДЕРЖАНІЕ:

Изъ исторіи русской школы.

А. ПЕТРИЩЕВА.

26 мая 1906 года.

„Русская Скоропечатня", Спб., Екатерин. кан., 94

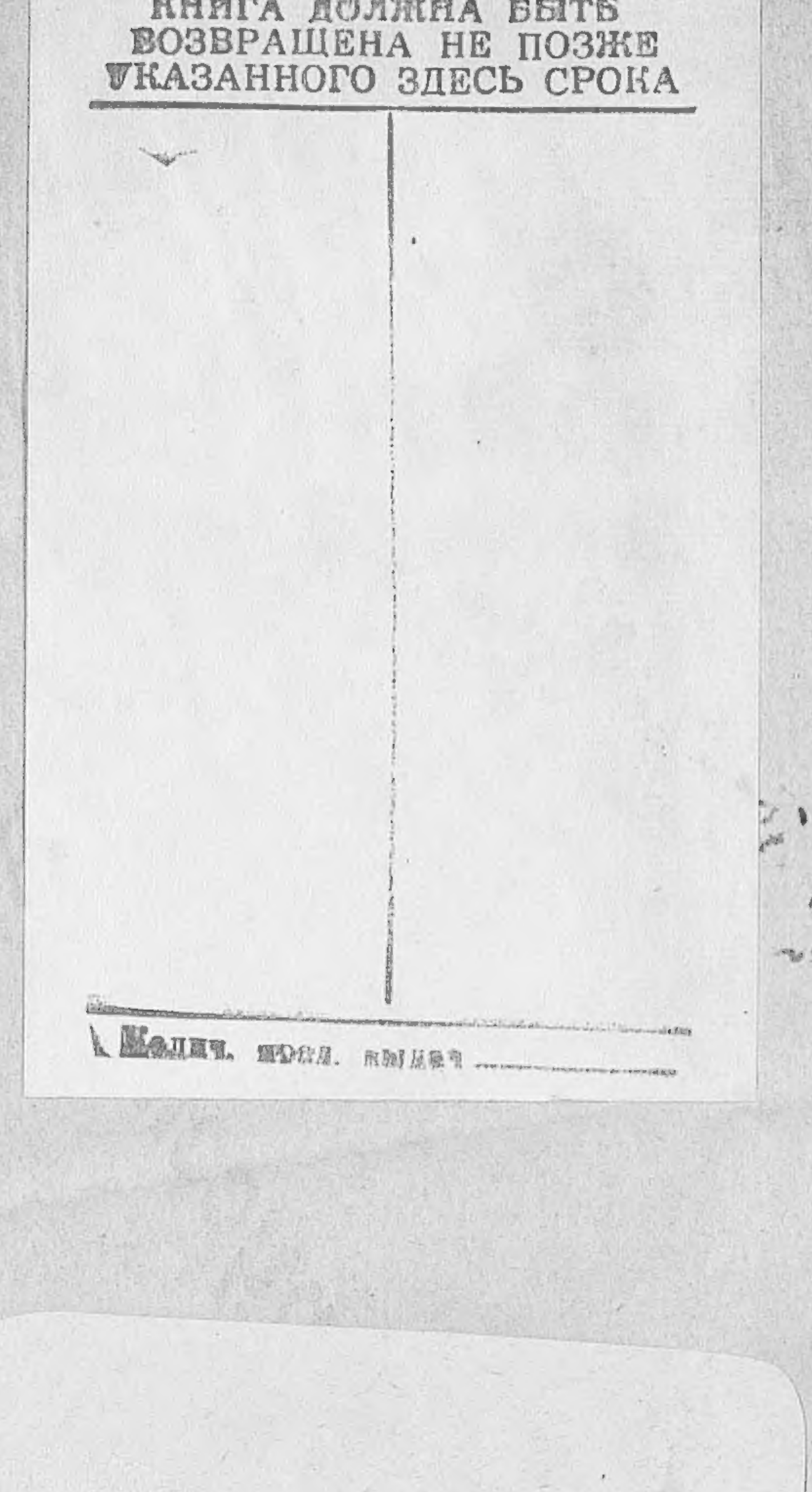
„ПРИРОДА и ШКОЛА". № 1-й.

А. Б. Петрищевъ.

Изъ исторіи русской школы.

ЦѢНА 5 КОП

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Школы до Петра Великаго.

Въ Россіи всѣ жалуются, что нашъ народъ неграмотный. И встарину жаловались на то же самое. Еще при московскихъ князьяхъ, новгородскій, напримѣръ, архіепископъ Геннадій говорилъ:

— «Приведутъ ко мнѣ мужика (чтобъ его въ попы или дьяконы ставить). Я велю ему апостолъ читать, а онъ и ступить не умѣетъ. Велю псалтырь дать—и по тому еле бредетъ. Я велю хоть ектеніямъ научить, а онъ и къ слову пристать не можетъ: ты говоришь ему одно, а онъ совсѣмъ другое... А если откажешь посвящать (неграмотнаго мужика въ попы), міряне жалуются: «такова земля, господине: не можемъ найти, кто бы гораздъ былъ грамотѣ».

Надо замѣтить, что въ прежніе годы прихожане сами выбирали себѣ священника. И вотъ народъ жалуется, что ему негдѣ даже попа грамотнаго найти. Попы, по словамъ церковнаго Стоглаваго собора, который былъ при Иванѣ Грозномъ, жалуются, что имъ «учиться негдѣ»—школъ нѣтъ. Архіереи жалуются, что они вынуждены рукополагать въ священники такихъ людей, которые апостолъ и псалтырь читать не умѣютъ и даже ектеніи не знаютъ. Тотъ же Стоглавый церковный соборъ жалуется, что, если «не посвящать въ попы безграмотныхъ, церкви будутъ безъ пѣнія, и христіане будутъ умирать безъ покаянія». И даже сами цари, напр., Иванъ Грозный, жаловались, что духовенство невѣжественно.

Казалось бы дѣло простое: зачѣмъ жаловаться? Не лучше ли взяться за устройство школъ? Но когда уже послѣ Грознаго при царѣ Борисѣ Годуновѣ зашла объ этомъ рѣчь, духовенство стало доказывать, что если школы завести, то будетъ «смута». И царь Борисъ съ этимъ мнѣніемъ согласился.

Не мало жаловались также, что въ Россіи даже воеводу грамотнаго трудно найти. Князья, бояре, дѣти боярскіе часто не умѣли фамиліи своей написать. Напр., вельможи «Иванъ Шереметевъ да Иванъ Чоботовъ къ соборной граматѣ 1566 г. рукъ не приложили,

потому что грамотѣ не умѣли». Или: князь Алексѣй Голицынъ, будучи «въ походахъ съ государемъ, подавалъ челобитныя о земляхъ» и въ то же самое время «склады писать учился». Для гражданскаго управленія и въ особенности для переговоровъ съ другими государствами приходилось выписывать иностранцевъ. Для военнаго дѣла въ Россіи не было людей, которые знали бы, какъ укрѣпленіе построить, какъ оружіе сдѣлать и какъ съ нимъ обращаться. Нужда заставляла и для военнаго дѣла выписывать иностранцевъ. Не было врачей. Не умѣли дороги и мосты строить—не было инженеровъ. Приходилось безъ часовъ жить, ибо никто не умѣлъ провѣрить часы и поставить правильно,—астрономовъ не было. Россія богата природными богатствами. Въ ней есть и руда всякая, и топливо въ изобиліи (лѣсъ, каменный уголь). Но кому обработать руду, когда нѣтъ не только мастеровъ, а даже просто грамотныхъ людей? Откуда, стало быть, земледѣльцу взять плугъ? А которое желѣзо есть, то главнымъ образомъ привезено изъ-за границы, цѣна на него неимовѣрно велика. Значитъ, землю обработать нечѣмъ. Словомъ, жалобы, что по причинѣ безграмотства земля разоряется и государству отъ внѣшнихъ враговъ большая опасность угрожаетъ, были вполнѣ основательны. Но одновременно съ этими жалобами мы видимъ вотъ что. Бояринъ Головинъ задумалъ наукамъ учиться; «для этого онъ держалъ у себя тайно одного нѣмца, жившаго въ Москвѣ; нашелъ также поляка, разумѣвшаго языкъ латинскій; оба они приходили къ нему тайно, переодѣвшись въ русское платье, запирались съ нимъ въ комнатѣ и читали вмѣстѣ латинскія и нѣмецкія книги». Значитъ, даже родовитые, вліятельные люди боялись учиться наукамъ открыто, такъ какъ за это можно было въ лучшемъ случаѣ попасть въ монастырь на заточеніе. Хорошимъ учителямъ тоже приходилось прятаться. Наука считалась «еллинскимъ и жидовскимъ мудрованіемъ», которое «противно христіанскому житію и закону». Да и книгъ достать было негдѣ. Въ Россіи полагалось имѣть лишь одну казенную типографію въ Москвѣ, которая печатала только богослужебныя книги. Поэтому можно было учиться лишь по книгамъ заграничнымъ. Но противъ нихъ въ 1672 году былъ изданъ правительствомъ строгій приказъ: «въ городахъ, на посадахъ и слободахъ и въ уѣздахъ, въ селахъ и деревняхъ, во всѣхъ мѣстахъ, всякихъ чиновъ людямъ учинить заказъ крѣпкій съ большимъ подкрѣпленіемъ, чтобъ тѣ люди польской и латинской печати книгъ никто у себя въ домахъ тайно и явно не держали, а приносили бы и отдавали бы воеводѣ». Въ 1675 г. было повелѣно «книгъ никакихъ въ Москву на продажу не присылать».

Это запрещеніе касалось не только заграничныхъ сочиненій, но и тѣхъ, которыя напечатаны въ кіевской печерской лаврѣ. Напомнимъ, что въ Кіевѣ, пока онъ находился подъ властью поляковъ, устроена была духовная академія, были также начальныя школы; лавра открыла типографію. Въ 1667 г. Кіевъ отошелъ къ Москвѣ. Лавра пожелала распространять свои изданія въ московскомъ царствѣ. Это и было запрещено указомъ 1675 г.

Какъ тщательно преслѣдовалась наука, можно судить по слѣдующему примѣру. При царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ корецкій протопопъ Лаврентій Зизаній написалъ книгу катехизисъ и назвалъ ее «Оглашеніе». Онъ былъ призванъ на казенный дворъ, и въ присутствіи «государева боярина» князя Ивана Черкасскаго и думнаго дьяка Ѳедора Лихачева ему учинили допросъ игуменъ Илья да типографскій справщикъ Гришка.

— «У тебя въ книгѣ—говорили Илья и Гришка—написано о планетахъ, о затменіи солнца, о громѣ и молніи..., о кометахъ и прочихъ звѣздахъ... Это къ нашему православію не сходно».

— «Почему же—спросилъ Зизаній—не сходно. Я... написалъ только для знанія: пусть человѣкъ знаетъ, что все это тварь Божія».

— «Да зачѣмъ — допрашивали Илья и Гришка — писалъ для знанія?»

Наконецъ, Зизаній спросилъ:

— «Какъ же по вашему писать о звѣздахъ?»

— «Какъ Моисей написалъ,—отвѣтили Илья и Гришка:—сотворилъ два свѣтила великія и звѣзды, и поставилъ ихъ Богъ на тверди небесной свѣтить по землѣ и владѣть днемъ и ночью»...

— «Да какъ же эти свѣтила движутся и обращаются?»

— «По повелѣнію Божію,—отвѣтили Илья и Гришка:—ангелы служатъ, тварь водя».

Думать иначе считалось ересью.

При томъ же Михаилѣ Ѳедоровичѣ, въ числѣ другихъ, былъ подвергнутъ опалѣ князь Иванъ Хворостининъ. По царскому указу онъ былъ сосланъ въ Кирилловъ монастырь. И между прочимъ, ему ставилось въ вину, что у него при обыскѣ найдено «много книгъ латинскихъ-еретическихъ». Передъ ссылкою Хворостинину приказывалось дать клятву, что онъ «книгъ латинскихъ держать не будетъ и въ еретическія ученія не впадетъ».

Любопытно, что въ граматѣ Михаила Ѳедоровича къ ученому голштинцу Адаму Олеарію находимъ другія слова:

«Вѣдомо намъ учинилось,—пишетъ царь—что ты гораздо на-

ученъ и навыченъ въ астроломіи, и географусъ, и небеснаго бѣгу, и землемѣрію, и инымъ многимъ надобнымъ мастерствамъ и мудростямъ, а намъ, великому государю, таковъ мастеръ годенъ».

Такимъ образомъ, иностранцу знаніе астрономіи и движенія небесныхъ свѣтилъ ставилось въ заслугу, и его за это приглашали на службу. А русскимъ нельзя было и близко подходить къ этимъ «мастерствамъ и мудростямъ». Въ Россіи имъ негдѣ было научиться. А поѣздки заграницу безусловно запрещались. «Для науки и обученія—объясняетъ это распоряженіе правительста убѣжавшій изъ Москвы Котошихинъ—въ иныя государства дѣтей своихъ не посылаютъ, страшась того: узнавъ тамошнихъ государствъ вѣру и вольность благую, начали бы свою вѣру отмѣнять и приставать къ другимъ».

Такъ какъ государство совсѣмъ безъ науки существовать не можетъ, то оставалось одно средство: приглашать иностранцевъ. Иностранцы пріѣзжали, изъ нѣмецкихъ, польскихъ, шведскихъ и другихъ земель. Пріѣзжали и украинскіе ученые изъ Кіева. При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ такихъ пріѣзжихъ въ Москвѣ оказалось не мало. Но оказалось также, что отъ этого выходитъ другая опасность, которой правительство не ожидало.

Русское духовенство оставалось невѣжественнымъ. Были духовныя лица, не умѣвшія «ни читать по книгѣ, ни пѣть, ни писать». Такихъ даже 100 лѣтъ спустя послѣ Алексѣя Михайловича при Екатеринѣ II въ одной казанской епархіи было насчитано свыше 380 человѣкъ. Между тѣмъ, наѣхавшіе чужестранцы не только давали государству помощь, но и заставляли считаться со своими мнѣніями и со своею наукою. Не составляло труда бранить науку и увѣрять, будто русскимъ людямъ достаточно заботиться о спасеніи души. Но оказалось, что и о спасеніи трудно заботиться невѣждѣ. Такъ, Стоглавый церковный соборъ постановилъ: «кто двумя перстами не крестится, да будетъ проклятъ,—такъ святые отцы рѣшили»; кто аллилуія трижды поетъ, тотъ еретикъ. Всѣ крестились двумя перстами, пѣли «аллилуію» дважды, и думали, что такъ и надо. Но вотъ чужестранцы объяснили, что это постановленіе сдѣлано по ошибкѣ переписчиковъ церковныхъ книгъ, такъ какъ креститься надо тремя перстами и аллилуію пѣть трижды. Выходило, что соборъ, по невѣдѣнію своему, святыхъ отцовъ проклялъ. Затѣмъ пріѣзжіе люди стали возбуждать вопросы, прежде мало кого занимавшіе: напр., когда во время литургіи хлѣбъ и вино становятся тѣломъ и кровью Христовой? Чужестранцы высказывали свое мнѣ-

ніе, ссылаясь на древнія греческія, латинскія и еврейскія книги; упоминали во время споровъ о разныхъ наукахъ. А русскіе невѣжественные іерархи въ отвѣтъ могли лишь «глазами хлопать». Приходилось по-неволѣ подумать о школахъ уже не ради государства собственно, а чтобы вѣру защищать. О народной пользѣ думать некому было. И вотъ въ Москвѣ возникла знаменитая въ свое время Славяно-греко-латинская академія.

Замѣчательно, что академія, т. е. высшая школа, учреждалась въ странѣ, гдѣ не было начальныхъ училищъ. Этимъ какъ бы подчеркивалось, что она возникаетъ собственно для подготовки людей, способныхъ вести религіозные споры. Академія—говоритъ историкъ Соловьевъ—устраивалась для поддержки церкви; она должна была служить главнымъ орудіемъ въ рукахъ духовенства для борьбы съ пришельцами. Съ этою цѣлью на академію возлагалось не только учить юношество. Въ ней должны были подвергаться испытанію «всѣ ученые иностранцы, пріѣзжавшіе въ Россію», и неодобренные ею немедленно подлежали изгнанію изъ Россіи; академія должна была доносить о всѣхъ замѣченныхъ ею противникахъ православной вѣры, и такіе противники предавались на судъ въ ту же академію, которая имѣла право сжигать еретиковъ живьемъ на кострѣ. Кромѣ того, въ уставѣ академіи было сказано: «Людямъ неученымъ польскихъ, латинскихъ, нѣмецкихъ... и прочихъ еретическихъ книгъ у себя дома не держать и не читать ихъ»... За этимъ также обязана была наблюдать академія. Она обязана была слѣдить и за тѣми, кто, не окончивши въ ней курса, осмѣливается вести религіозные споры. Такіе споры объявлены были преступными и подлежали суду. Далѣе, академическій уставъ не забывалъ и домашняго обученія. Передъ учрежденіемъ академіи русскіе стали смѣлѣе; люди знатные и богатые не боялись уже нанимать домашнихъ учителей. Теперь же было объявлено, что «никто не смѣетъ держать домашнихъ учителей иностранныхъ языковъ, ибо отъ домашнихъ учителей, особенно иностранныхъ и иновѣрныхъ, могутъ быть принесены противность нашей вѣры и разногласіе».

Такимъ образомъ, новоучрежденная высшая школа убивала едва возникшее домашнее образованіе и являлась въ сущности какъ бы жандармскимъ управленіемъ, подъ надзоръ которому была отдана Россія. Подъ надзоромъ оказалась и наука. Обѣщано было, что въ академіи станутъ преподавать «свободныя науки», но лишь тѣ, которыя «не запрещены церковью». Подъ безусловнымъ запретомъ находилась, напримѣръ, такъ называемая естественная магія, въ которую, между прочимъ, входятъ нынѣшнія физика и химія. Дабы

объяснить, какое значеніе имѣетъ этотъ запретъ, напомнимъ, что безъ физики и химіи невозможно устроить даже винокуренный или мыловаренный заводъ. Затѣмъ учителя давали присягу всѣ науки излагать согласно съ ученіемъ православной церкви. Это значитъ, что на урокахъ исторіи всякій долженъ былъ говорить, будто отъ сотворенія мира до Рождества Христова прошло 5508 лѣтъ, хотя наукой доказано, что это исчисленіе совершенно неправильное; на урокахъ географіи надо было говорить, что на краяхъ земли есть высокія стѣны, на которыхъ построенъ небесный сводъ, а на этомъ небесномъ сводѣ находится рай; учителю, сказавшему по правдѣ, что земля шарообразна, грозило сожженіе на кострѣ; надо было говорить, что дождь дѣлаютъ ангелы: собираютъ трубами воду изъ моря и обрызгиваютъ землю; разъяснившему, какъ въ дѣйствительности происходитъ дождь, грозила тяжелая кара.

Спрашивается, что жъ новаго принесла академія? До нея удавалось, по крайней мѣрѣ, знатнымъ людямъ обучаться иностраннымъ языкамъ дома. Теперь это было запрещено. Обучаться иностраннымъ языкамъ стало возможно лишь подъ надзоромъ правительства. Раньше отъ домашняго учителя, кромѣ языковъ, можно было научиться и географіи, и астрономіи, и другимъ наукамъ. Теперь всѣ науки были запрещены. И Россія въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, обрекалась въ зависимость отъ ученыхъ иностранцевъ. Въ первое время учителя старались «преподавать науку согласно съ православіемъ». Но лучшіе изъ нихъ, несмотря на всѣ свои старанія, скоро были обвинены въ ереси и подверглись изгнанію. Другихъ учителей найти не удалось. И на ихъ мѣсто были посажены неокончившіе курсъ ученики, которые и сами ничего не знали. Черезъ нѣсколько лѣтъ въ славяно-греко-латинской академіи обвалились печи, обрушились потолки, ученикамъ было негдѣ да и не у кого учиться. Защищать вѣру отъ иноземцевъ академія, очевидно, не помогала. И патріархъ Іоакимъ склонился къ той мысли, что для спасенія церкви надо всѣхъ иностранцевъ «лишить военныхъ и всякихъ другихъ должностей» и выгнать изъ Россіи.

Выходило такъ: духовенство доказывало, что отъ школъ неизбѣжно произойдетъ смута, и потому онѣ не должны быть; однако, государство не могло обойтись безъ образованныхъ людей, и потому ему нужны иностранцы; но присутствіе иностранцевъ опасно для церкви, и потому ихъ нужно выгнать. А слѣдовательно, отъ смуты есть одно средство: лишиться способной къ военнымъ дѣйствіямъ арміи, прекратить всякое развитіе промышленности, т. е. сдѣлать невозможнымъ самостоятельное существованіе россійскаго государства. Па-

тріархъ Іоакимъ въ сущности предлагалъ: «кто хочетъ православную церковь отъ иноземныхъ враговъ спасти, тотъ долженъ погубить Россію». А затѣмъ каждому становилось яснымъ, что, если Россія погибнетъ, то спасать православіе отъ иноземцевъ будетъ некому. Получилась удивительная нелѣпица. Разобраться въ ней предстояло Петру Великому. И при томъ разобраться въ такое время, когда казалось, что вся бѣда отъ духовенства: оно боится школъ, оно не допускаетъ наукъ. Значитъ, стоитъ лишь препятствіе со стороны духовенства устранить, и все пойдетъ, какъ слѣдуетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Отъ Петра Великаго до Александра I.

Послѣ заграничной поѣздки Петръ Великій задумалъ устроить въ Россіи флотъ. Правительству стали нужны люди, знающіе корабельное дѣло и мореплаваніе. И для подготовки такихъ людей велѣно было въ 1869 г. открыть въ Москвѣ «навигацкую школу». Здѣсь преподаватели-иностранцы должны были учить «ребятокъ», «добровольно хотящихъ, иныхъ же паче и со принужденіемъ».

По образцу навигацкой, стали возникать и другія школы. Правительству нужны грамотные чиновники, поэтому велѣно было (въ 1721 г.) «учинить школу для подъячихъ, гдѣ учить подъячихъ ихъ дѣлу», а именно «ариѳметикѣ, веденію книгъ и бумагъ, чистописанію и прочему, что доброму подъячему знать надлежитъ»; въ эту школу «приказные обязаны дѣтей своихъ отдавать», въ ней должны обучаться всѣ вообще, «кто захочетъ быть приказнымъ».

Для арміи необходимы грамотные и знающіе военное дѣло люди—велѣно открыть гарнизонныя школы и артиллерійскую школу.

Нужны вообще грамотѣи—велѣно открыть цифирныя школы для обученія «молодыхъ ребятокъ» ариѳметикѣ и геометріи.

Нужно грамотное духовенство—велѣно открыть архіерейскія школы.

Собственно о народномъ образованіи рѣчь не подымалась. До Петра Великаго народъ былъ обязанъ поставлять ратниковъ для войска, подводы и кормъ для чиновниковъ. Теперь его обязывали поставлять рабочихъ для постройки Петербурга, плотниковъ для постройки флота (напр., въ Воронежѣ и Брянскѣ), а сверхъ того дѣтей въ школы, гдѣ готовятъ необходимыхъ правительству мастеровъ. И «поставка учениковъ» стала въ сущности повинностью, вродѣ поставки рекрутовъ.

Такимъ образомъ, въ Россіи возникли профессіональныя школы, подготовлявшія мастеровъ и искусниковъ для того или иного дѣла. Но, кромѣ мастеровъ и искусниковъ, правительству нужны были просто ученые—напр., астрономы, математики. Рѣшено было основать «общество ученыхъ людей, которые трудились бы надъ усовершенствованіемъ искусствъ и наукъ». Такое «общество» и было основано, подъ названіемъ: «Академія наукъ». При академіи былъ основанъ университетъ.

Получилось вотъ что. Своихъ ученыхъ въ Россіи не было. Ихъ пришлось для академіи выписать изъ-за границы. Они обязались за свое жалованье учить студентовъ. Но студентовъ въ Россіи тоже не было, такъ какъ правительство завело лишь немного школъ для своихъ надобностей, а не для народа. Пришлось и студентовъ выписывать изъ-за границы. Но за границей немного нашлось охотниковъ ѣхать на ученье въ Россію. Тогда добросовѣстные нѣмцы-академики, чтобъ было за что жалованье получать, стали учить другъ друга. То же случилось и съ гимназіей при академическомъ университетѣ. Въ нее поступали дѣти иностранцевъ, пріѣхавшихъ изъ чужихъ земель въ Петербургъ. И въ первое время въ гимназіи было достаточно учениковъ. А потомъ запасъ чужихъ дѣтей израсходовался, и учениковъ не оказывалось, опять таки по той причинѣ, что гимназія безъ низшихъ школъ существовать не можетъ. Пришлось учениковъ вербовать, какъ солдатъ. Ихъ и брали изъ солдатскихъ дѣтей, изъ крестьянскихъ и т. д. Тѣ же, кто поступалъ по своей охотѣ, учились только въ низшихъ классахъ, а отъ ученья въ высшихъ отказывались. Стали набирать изъ разныхъ мѣстъ «обязательныхъ» учениковъ, которыхъ силою заставляли учиться до конца.

Не лучше было и въ профессіональныхъ школахъ. Собственно желаніе насаждать ихъ въ странѣ безграмотной явилось по причинѣ невѣжества. Извѣстно, что въ столярной, напримѣръ, мастерской, каждаго ученика учатъ вообще столярному дѣлу: строгать шерхебелемъ, рубанкомъ, фуганкомъ, пилить пилой, размѣчать ресмусомъ, нарѣзать замки, обращаться правильно съ наугольникомъ, сверлить, долбить, точить, нарѣзать винты и т. д. И только тогда, когда ученикъ эту общую часть столярнаго ремесла усвоилъ, онъ можетъ учиться какому-либо спеціальному дѣлу, т. е. или токарному дѣлу, или вязкѣ рамъ, или изготовленію шкафовъ... Есть мастера, которые дѣлаютъ, напр., только столы или стулья, и знаютъ это дѣло въ совершенствѣ, какъ никто другой. Но никто изъ нихъ не учится сначала дѣлать столы, а потомъ строгать рубанкомъ и долбить долотомъ или стамеской. Точно также и въ наукѣ. Сначала нужно

учиться вообще наукѣ, а потомъ уже, когда эта наука усвоена, можно изучать ту часть ея, которая нужна, положимъ, для мореплавателя, или для врача, или для инженера, или для адвоката. Профессіональныя знанія есть лишь вѣтви общаго образованія. И тамъ, гдѣ образованія нѣтъ, не можетъ быть и этихъ вѣтвей, какъ не можетъ быть листьевъ, если нѣтъ дерева. А такъ какъ, повторяю, цифирныя, навигацкія, приказныя школы народу принесли новую повинность—поставлять дѣтей, то не мудрено, что онѣ были встрѣчены далеко не дружелюбно. Родители дѣтей не давали. Пришлось брать силою. За уклоненіе отъ школьной повинности карались штрафами, но и наказанія не помогали. Изъ 42 цифирныхъ, напр., школъ, открытыхъ съ 1716 по 1722 г., черезъ пять лѣтъ осталось всего 28; изъ 14 же всѣ ученики разбѣжались. А черезъ 20 лѣтъ едва уцѣлѣло лишь 8 школъ: 34 исчезли.

Кто же виноватъ? Разумѣется, правительство вовсе не склонно было брать вину на себя. Да и какъ ему винить себя: вѣдь, оно же открываетъ школы, оно учреждаетъ академіи и университеты; оно даже насильно тащитъ людей учиться. Правительство даже было согласно дальше идти по этой же дорогѣ и, видимо, ничего не имѣло противъ мысли, высказанной писателемъ временъ Петра I Посошковымъ:

«Немалая пакость крестьянамъ чинится отъ того, что грамотныхъ людей у нихъ нѣтъ. Въ иной деревнѣ дворовъ 20 и 30, а грамотнаго человѣка нѣтъ ни одного, и оттого случается, что, если пріѣдетъ кто-нибудь съ указомъ или безъ указу да скажетъ, что указъ у него есть, то ему вѣрятъ и принимаютъ на себя излишніе убытки... Для охраненія отъ такихъ напрасныхъ убытковъ нехудо бы крестьянъ и поневолить, чтобы дѣтей своихъ отдавали учиться грамотѣ,—читать и писать. Не худо указъ послать и въ Низовые города (по Волгѣ), чтобъ у мордвы дѣтей брать и грамотѣ отдавать учить, хотя бы и насильно». *)

Позже Екатерина II рѣшительно склонялась къ мысли, высказанной однимъ ученымъ что если «просвѣтится народъ, то станетъ разумнѣе; одни глупцы или мерзавцы боятся образованнаго народа; рожденные для власти предпочитаютъ владычествовать надъ людьми, а не надъ животными».

Словомъ, правительство готово было «умножать науки въ Россіи», заботиться объ образованіи народа. И если это не удалось, то виноваты другіе. Кто же?

*) Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что Посошковъ за свои мысли былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, какъ политическій преступникъ.

Прежде казалось, что виновато духовенство. Оно и теперь къ свѣтскимъ наукамъ относилось неодобрительно и въ своихъ школахъ поощряло лишь «науки» православныя, богословскія. Это обстоятельство, между прочимъ, было принято во вниманіе Екатериной II. По утвержденному ею «уставу» 1786 г. духовенство отстранялось отъ завѣдыванія народными училищами. Законоучителямъ запрещалось даже разсказывать ученикамъ о такихъ церковныхъ ученіяхъ, которыя ужъ очень явно опровергнуты наукой, — напр., о мукахъ грѣшниковъ въ аду.

Но кромѣ того правительство считало, что виноватъ также народъ. Онъ якобы еще не доросъ до того, чтобы цѣнить науку. Въ немъ еще не созрѣла потребность учиться въ школахъ.*) Его еще нужно насильно учить. Отсюда, казалось, выходъ такой: Въ Россіи неограниченная, самодержавная власть. Она все можетъ. Стало быть, можетъ и заставить учиться. Самодержавные государи добьются того, чтобы Россія была высоко-грамотной страной. Они сдѣлаютъ образованнымъ весь русскій народъ—и дворянъ, и купцовъ, и мѣщанъ, и крестьянъ. «Науки—торжественно говорила Екатерина II—называются свободными для того, что всякому оставлена свобода ихъ пріобрѣтать, а не для того, чтобы сіе право предоставлялось только свободнымъ», а потому крѣпостнымъ крестьянамъ долженъ быть открытъ доступъ во всѣ училища, а въ томъ числѣ и въ университеты. «Не пренебрегать—приказываетъ она учителямъ — дѣтьми бѣдныхъ родителей; но всегда имѣть въ памяти, чтобы приготовить члена обществу».

Мечты при помощи самодержавной власти сдѣлать народъ образованнымъ составляютъ особенность такъ называемаго «просвѣщеннаго абсолютизма»**). Какъ абсолютная, самодержавная государыня Екатерина, на правахъ хозяина надъ народомъ и страной, раздавала земли и крестьянъ своимъ приближеннымъ. Какъ поклонница «абсолютизма просвѣщеннаго» она писала статьи о воспитаніи, учредила «комисію объ устройствѣ народныхъ училищъ», заботилась объ открытіи школъ,—уже не профессіональныхъ, какія возникали при Петрѣ, а общеобразовательныхъ, которыя даютъ знанія, нужныя для всякаго мастерства и всякаго искусства.

---

*) Это обвиненіе повторяется до сихъ поръ, хотя ни до Екатерины II, ни при Екатеринѣ II настоящихъ, приноровленныхъ къ потребностямъ народа, школъ никто въ Россіи не устраивалъ. Ниже мы увидимъ, что такихъ школъ нѣтъ и теперь, и даже приняты мѣры, чтобы ихъ не было.

**) Абсолютизмъ—то же, что и самодержавіе. Абсолютный или самодержавный государь считается не только верховнымъ повелителемъ, но и верховнымъ обладателемъ земли и народа.

Правда, Екатерина II денегъ изъ казны на устройство и содержаніе народныхъ училищъ не отпускала. Находить деньги на это дѣло поручено было «приказамъ общественнаго призрѣнія». Но при Александрѣ I и этотъ пробѣлъ былъ отчасти пополненъ. Александръ I учредилъ особое министерство народнаго просвѣщенія. На министерство была возложена забота открывать университеты, школы, гимназіи. Это было его главной задачей. И казалось, дальнѣйшихъ препятствій къ тому, чтобы Россія стала образованной страной, не имѣется.

Жизнь не замедлила обнаружить, что мечты «просвѣщеннаго абсолютизма» суть только мечты, и при томъ основанныя на слишкомъ недостаточномъ знакомствѣ съ науками да еще на полномъ непониманіи того, въ чемъ заключается истинное просвѣщеніе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Школы при Александрѣ I и Николаѣ I.

Екатерина II врядъ ли ясно представляла себѣ, что значитъ открыть доступъ къ наукамъ для всѣхъ сословій а въ томъ числѣ и для крѣпостныхъ крестьянъ. Повидимому, она не считалась съ тѣмъ, что получится, когда подошедшій къ наукѣ крестьянинъ узнаетъ, какъ, напр., вся народная земля перестала быть народной; кто, какъ и почему установилъ крѣпостное право; по какой причинѣ возникло сословіе дворянъ и отчего мужикъ нигдѣ правды добиться не можетъ. Не понимала, видимо, Екатерина II и вотъ еще чего: если даже мужикъ и не успѣетъ «подойти къ наукѣ», а лишь выучится грамотѣ, то ему откроется возможность узнать хоть коечто о дворянахъ, о землѣ, о крѣпостномъ правѣ изъ книгъ, или благодаря книгамъ, которыя помогаютъ многое понять.

Эту опасность со стороны образованія правительство, повторяю, понимало плохо. Но вскорѣ она была понята. Послѣ изгнанія французовъ изъ Россіи, Высочайшимъ манифестомъ были объявлены новыя милости разнымъ сословіямъ за ихъ труды по избавленію отечества отъ непріятельскаго нашествія. Крестьянству же, которое больше всѣхъ потрудилось, обѣщана была награда отъ Господа Бога. Со стороны же правительства въ 1813 году послѣдовала награда такая: указомъ было запрещено принимать крестьянскихъ дѣтей въ гимназію,—«для нихъ достаточно—говорилось въ указѣ—уѣзднаго училища».

А еще раньше въ 1801 г. было приказано: 1) чтобы «дѣти

благородныхъ отцовъ (въ школѣ) имѣли отличіе передъ прочими мѣщанскими и низшаго званія дѣтьми»; 2) чтобы «учителя, восклицая имя благороднаго ученика, прикладывали слово: «господинъ» (заимствую этотъ приказъ изъ «Матеріаловъ для исторіи учебныхъ заведеній Черниговской дирекціи вь 1789—1832 г.», стр. 28). Надо замѣтить, что при Александрѣ I и отчасти при Николаѣ I школы дѣлились на 4 разряда. Первоначальное обученіе давалось дѣтямъ въ приходскихъ училищахъ. Окончившій приходское училище могъ безпрепятственно поступить во второй разрядъ—въ уѣздныя училища. Изъ уѣзднаго училища дѣти также безпрепятственно могли переходить въ гимназіи, а изъ гимназій въ университеты. Такой безпрепятственный переходъ изъ одного разряда въ другой для того и устраивался, чтобы всѣ сословія имѣли «доступъ къ наукамъ». Но, какъ видимъ, уже въ 1813 правительство распорядилось крестьянскихъ дѣтей дальше второго разряда не пускать. Это распоряженіе было потомъ подтверждено въ 1827 г. Высочайшимъ рескриптомъ государя Николая I.

Первые три министра народнаго просвѣщенія (Завадовскій, Разумовскій и Голицынъ) не выступали открыто противъ народнаго просвѣщенія. Но четвертый Шишковъ съ одобренія Александра I и въ его присутствіи отдалъ своимъ подчиненнымъ такой словесный приказъ:

«Науки полезны только тогда, когда, какъ соль, употребляются и преподаются въ мѣру, смотря по состоянію людей и по надобности. Обучать грамотѣ весь народъ или несоразмѣрное числу онаго количество людей принесло бы болѣе вреда, нежели пользы».

Отсюда Шишковъ дѣлалъ выводъ, что крестьянъ не слѣдуетъ пускать дальше приходскихъ училищъ, купцовъ дальше уѣздныхъ училищъ, а гимназіи надо предоставить «преимущественно для дворянъ».

Затѣмъ оказалось, что для правительства невыгодно, если «очень много учатся» мѣщане и купцы, ибо наука и имъ «открываетъ глаза». 9 іюня 1845 г. отъ Государя Николая Павловича министрамъ былъ отданъ приказъ: «сообразить, нѣтъ ли способовъ затруднить доступъ въ гимназіи для разночинцевъ». Министры сообразили и постановили: запретить мѣщанамъ и купцамъ поступать въ гимназіи. Это постановленіе было высочайше утверждено 14 іюня 1845 г. И согласно ему, мѣщанскія и купеческія дѣти могли перейти изъ уѣзднаго училища въ гимназію лишь въ томъ случаѣ, если выпишутся изъ своего сословія. Исключеніе допускалось только для купцовъ первой гильдіи.

Оставалось далѣе «затруднить доступъ» для бѣдняковъ всѣхъ

сословій. Съ этою цѣлью рѣшено было ввести плату за ученіе. Между прочимъ, того же 9 іюня 1845 г. министръ народнаго просвѣщенія гр. Уваровъ представилъ государю докладъ, чтобы со студентовъ брать плату по 40 руб. въ годъ, съ гимназистовъ 20 руб. Государь велѣлъ со студентовъ брать 50 руб., а съ гимназистовъ 30 руб. Министръ сталъ убѣждать, чтобы исполненіе этого указа было отложено на 5 лѣтъ, такъ какъ онъ сильно взволнуетъ общество. Государь согласился отложить, но только на 3 года. Въ 1857 г. плату за ученіе велѣно было взимать и съ учениковъ уѣздныхъ училищъ.

Такимъ образомъ, въ школу были допущены почти исключительно одни дворяне, и при томъ болѣе или менѣе богатые. Но и при такой постановкѣ науки оказывались очень опасными, такъ что даже дѣтямъ только богатыхъ дворянъ ихъ нельзя было преподавать. Напримѣръ, изъ русской исторіи правительство сочло необходимымъ скрыть тѣ условія, на которыхъ избранъ царь Михаилъ Өедоровичъ на престолъ. Какъ извѣстно, это былъ первый царь изъ династіи Романовыхъ. Избранъ онъ въ 1613 г. земскимъ соборомъ. При этомъ Михаилу Өедоровичу было объявлено, что земскимъ соборомъ рѣшено «не выбирать въ цари никого, кто не обѣщаетъ клятвенно: предоставить полный ходъ правосудію; никого не судить и не осуждать высочайшею властью; безъ согласія (земскаго) собора—не вводить никакихъ новыхъ законовъ, не отягчать подданныхъ новыми налогами и не принимать самомалѣйшихъ рѣшеній въ ратныхъ и земскихъ дѣлахъ»; Михаилъ Өедоровичъ подписалъ эти условія безъ колебаній и обѣщался выполнять ихъ. И, дѣйствительно, девять лѣтъ выполнялъ, т. е. не рѣшалъ государственныхъ дѣлъ безъ согласія выборныхъ людей. Въ ту пору указы начинались словами:

«Мы, великій государь, говорили и совѣтовали на соборѣ, а всѣхъ великихъ россійскихъ государствъ (или «городовъ») ратные и выборные и всякіе люди приговорили» *)...

Но черезъ 9 лѣтъ послѣ восшествія на престолъ Михаилъ Өедоровичъ не пожелалъ созывать земскіе соборы. И понемногу начальныя слова указовъ приняли нынѣшній видъ:

«Мы, Божіею Милостію Императоръ и самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и пр. и пр. и пр., повелѣваемъ»...

И вотъ, то обстоятельство, что Михаилъ Өедоровичъ обѣщался соблюдать условія, поставленныя земскимъ соборомъ, учитель былъ обязанъ скрывать.

*) Милюковъ, очерки по исторіи русск й культуры, часть 3, стр. 85.

Точно также стали, напр., скрывать отъ учащихся родословную покойнаго государя Петра III. Онъ взошелъ на русскій престолъ послѣ смерти царицы Елизаветы Петровны. Отцомъ его былъ голштинскій герцогъ Карлъ Фридрихъ, а матерью Анна Петровна, дочь Петра Великаго отъ Марты Скавронской, состоявшей замужемъ за придворнымъ поваромъ. (Царствовалъ Петръ III недолго; онъ былъ свергнутъ съ престола своей супругой, урожденной принцессой Ангальтъ-Цербтской, взошедшей на русскій престолъ подъ именемъ Екатерины II. Послѣ Екатерины II на престолъ взошелъ сынъ ея Павелъ I).

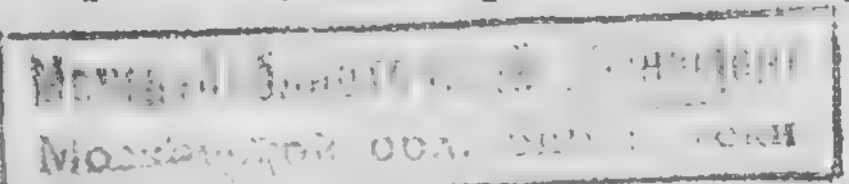
Было много и другихъ историческихъ событій, о которыхъ запрещалось и запрещается говорить на урокахъ исторіи.

На урокахъ географіи безусловно запрещалось говорить, напр., гдѣ находятся удѣльныя земли и сколько ихъ (удѣльныхъ земель въ Европейской Россіи около $7^1/_2$ милліоновъ; первоначально онѣ отобраны государемъ Павломъ I на содержаніе Императорской фамиліи); запрещалось говорить и о томъ, что Алтайскій и Нерчинскій округа (около 50 милліоновъ десятинъ земли) принадлежатъ кабинету Его Величества, т. е. что доходъ съ нихъ идетъ въ личную собственность Государя.

Не въ лучшемъ положеніи оказались преподаватели юридическихъ наукъ. Юридическія науки, между прочимъ, разсматриваютъ, что такое государство, какъ въ немъ образуется верховная власть, и какъ дѣйствуетъ. Наука же говоритъ, что одинъ человѣкъ или одна фамилія могутъ пользоваться верховной властью либо вслѣдствіе завоеванія (напр., татарскіе ханы на Руси), либо по договору съ народомъ (напр., избраніе Михаила Ѳедоровича), либо вслѣдствіе разныхъ, выгодно сложившихся для этой фамиліи, обстоятельствъ. Такъ какъ этотъ выводъ науки неудобенъ для правительствъ, то издавна было придумано иное ученіе,—будто верховная власть происходитъ отъ Бога, и не повиноваться ей—все равно, что не повиноваться самому Господу Богу. Обыкновенно, правительство во всѣхъ странахъ поручаетъ распространять и укрѣплять это ученіе духовенству, а за этотъ свой трудъ духовенство пользуется разными благами (получаетъ жалованье, награды, привиллегіи и т. д.). Отсюда и получается такъ называемый «союзъ государства съ церковью». Духовенство, положимъ, прекрасно знало, что татарскій ханъ Батый и его наслѣдники захватили власть надъ Россіей, какъ завоеватели. Но приходилось все-таки говорить, что власть Батыева происходитъ отъ Бога, ибо если сказать по правдѣ, то не только награды не получишь, но и будешь наказанъ. Съ своей стороны, свѣтскіе владыки вынуждены были поддерживать духовенство, т. е. истреблять еретиковъ, силою принуждать подданныхъ къ исполненію обрядовъ и т. д.: ибо

чѣмъ сильнѣе и вліятельнѣе духовенство, тѣмъ больше оно сможетъ оказать помощь правительству. Малосвѣдущій въ наукахъ Петръ I до нѣкоторой степени упускалъ изъ виду эту связь между церковной и свѣтской властью. Отчасти упускала её изъ виду и Екатерина II. Но Александръ I замѣтилъ эту оплошность. И въ 1818 г. вышелъ приказъ, чтобы преподаватели юридическихъ наукъ не смѣли говорить ученикамъ, что «верховная власть происходитъ не отъ Бога». Далѣе запрещено было говорить о древнихъ русскихъ законахъ (напр., о вѣчевомъ управленіи), запрещено было говорить о законахъ другихъ странъ (и въ особенности о законахъ Англіи и Франціи, такъ какъ въ этихъ государствахъ народное представительство). Наконецъ, запрещена была самая наука: «правовѣдѣніе». Стали преподавать только законовѣдѣніе. Но учитель не имѣлъ права говорить о всѣхъ существующихъ въ Россіи законахъ. Напр., онъ не смѣлъ сказать, что по русскому закону отпускается изъ государственныхъ суммъ императрицѣ 600.000 руб. въ годъ и содержаніе двора, дѣтямъ государя до совершеннолѣтія по 100.000 руб. въ годъ каждому, наслѣднику 300.000 руб. въ годъ и содержаніе двора, приданое дочерямъ по 1.000.000 руб. и т. д.

Затѣмъ Государю Александру Павловичу и преемнику его Николаю Павловичу пришлось вспомнить, что необходимо оказывать поддержку духовенству. Мы видѣли, напр., что при Екатеринѣ учителямъ предлагалось не разсказывать «басенъ» о мученіяхъ грѣшниковъ въ аду, ибо эти «басни» противорѣчатъ и наукѣ и здравому смыслу. Но такихъ «басенъ» не мало. Духовенство, напр., утверждаетъ, будто отъ сотворенія міра до настоящаго времени прошло всего 7414 лѣтъ; между тѣмъ, наука геологія, безъ которой, между прочимъ, невозможно добываніе каменнаго угля и руды, доказываетъ, что земля существуетъ уже милліоны лѣтъ. Духовенство до сихъ поръ не допускаетъ, что земля вращается вокругъ солнца; оно до сихъ поръ говоритъ о небѣ, по которому движутся звѣзды; а наука астрономія, столь необходимая, что безъ нея нельзя даже часы провѣрить, давнымъ давно отъ этихъ церковныхъ ученій не оставила камня на камнѣ. Духовенство утверждаетъ, что всѣ породы животныхъ и растеній созданы независимо одна отъ другой,—каждая особо; а наука естествовѣдѣніе доказываетъ, что это ученіе неправильно. Возникалъ вопросъ: какъ сдѣлать, чтобы наука не подрывала ученія духовныхъ лицъ? Снова пришлось прибѣгнуть къ запретамъ. Въ 1819 г. было запрещено въ уѣздныхъ училищахъ естествовѣдѣніе. На годъ раньше, въ 1818 г., было повелѣно преподавать науки такъ, чтобы онѣ не противорѣчили ученію православной церкви. Но такого

преподаванія не удалось достигнуть даже въ московской славяно-греко-латинской академіи. Не могли его достигнуть и министры Александра I и Николая I. Русское чиновничество пришло лишь къ общему убѣжденію, что наука и книги—вродѣ чумы и язвы, отъ которой надо всѣми способами обороняться. Попечитель Казанскаго учебнаго округа Магницкій возбудилъ даже ходатайство о томъ, чтобы ему разрѣшили «все-народно» сжечь университетъ. Для надзора за книгами былъ учрежденъ особый комитетъ, подъ предсѣдательствомъ Бутурлина. Бутурлинъ воздвигъ гоненіе не только противъ свѣтскихъ книгъ, но и противъ богослужебныхъ. Онъ, напримѣръ, потребовалъ, чтобы изъ акаѳиста Покрову Пресвятыя Богородицы, написаннаго святымъ Димитріемъ Ростовскимъ, были исключены слова: «Радуйся, незримое укрощеніе владыкъ жестокихъ». На возраженіе, что такія слова есть и въ Евангеліи, Бутурлинъ отвѣтилъ: «слѣдовало бы и Евангеліе исправить».

Передъ министрами стоялъ неразрѣшимый вопросъ:

Что же дѣлать? Разрушить школы? сжечь книги? Но правительство даже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ не могло существовать безъ грамотныхъ и ученыхъ людей. Тѣмъ паче невозможно было обойтись безъ нихъ при Николаѣ I. Школы и науки были, очевидно, необходимы не только народу, но и правительству. Однако, тѣ же самыя школы и науки опровергали ученіе церкви, опровергали ученіе о божественномъ происхожденіи власти, подрывали самодержавіе, отвергали право государя раздавать земли и народъ во владѣніе помѣщикамъ, подрывали крѣпостное право. Гдѣ же выходъ? Выхода не было. Оставалось лишь одно средство — обучать наукамъ возможно меньшее количество людей. И во всякомъ случаѣ не больше того, сколько требуется для самыхъ неотложныхъ надобностей правительства. Къ этому приступили.

Въ прежнее время, при Александрѣ I одинъ за другимъ стали было возникать университеты: Виленскій (въ 1803 г.). Дерптскій свъ 1803 г.), Харьковскій 1804 г.), Казанскій (1804 г.) *). Затѣмъ сразу наступаетъ заминка. Если не считать преобразованія Петербург-(каго главнаго педагогическаго института въ петербургскій университетъ (въ 1819 г.) да перенесенія виленскаго университета въ Кіевъ (1833 г.), то съ 1804 г. до 1864 г., когда Одесскій лицей преобразованъ въ университетъ, Россія не получила ни одного высшаго общеобразовательнаго учебнаго заведенія. Замѣтимъ кстати,

*) Въ то же время возникли: демидовскій лицей въ Ярославлѣ и лицей Безбородко въ Нѣжинѣ. Московскій университетъ основанъ раньше при императрицѣ Елизаветѣ въ 1755 г.

что послѣ 1864 г. открытъ всего одинъ университетъ въ Томскѣ (1888 г.), ходатайства же объ основанiи университетовъ въ другихъ городахъ (Саратовѣ, Тифлисѣ, Вильнѣ) встрѣчаютъ рѣшительный отказъ. Затѣмъ, мы уже видѣли, какiя мѣры принимались, чтобы затруднить народу доступъ къ образованiю. А въ концѣ царствованiя Николая I было предписано университетамъ больше 300 студентовъ не имѣть. Одновременно правительство постаралось сократить и гимназiи: въ 1847 г. ихъ было 84, въ 1854—77.

Гораздо труднѣе была другая задача: какъ сдѣлать, чтобы наука ученiю церкви не противорѣчила и самодержавiя не подрывала? При патрiархѣ Iоакимѣ такую науку найти не удалось. Не нашло ея и правительство Николая I. На всякiй случай профессора были отданы подъ надзоръ полицiи: «въ сороковыхъ годахъ—разсказываетъ напр., Ѳ. И. Буслаевъ—идти къ профессору въ гости можно было только съ опаской; нерѣдко звонокъ вечеромъ въ передней профессора означалъ появленiе жандарма». И потомъ также на всякiй случай о студентахъ старались распространять слухи, что они крамольники и враги общества. Слухи эти, впрочемъ, не ослабѣвали и послѣ Николая I. Въ видѣ примѣра, напомню таинственные петербургскiе пожары въ iюнѣ 1862 г. Петербургъ горѣлъ. А какiе-то темные люди *) старались увѣрить народъ, что поджигаютъ студенты. Министръ народнаго просвѣщенiя написалъ министру внутреннихъ дѣлъ (Валуеву), чтобы тотъ распорядился объявить, что студенты невиноваты. Валуевъ отказалъ, хотя и зналъ, что студенты не только не поджигаютъ, но и помогали тушить пожары и спасать имущество погорѣльцевъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Послѣ освобожденiя крестьянъ.

До 1861 года была въ Россiи страшная язва, отъ которой люди такъ невыносимо страдали, что всѣ другiе государственные недуги казались дѣломъ второстепеннымъ. Язва эта—крѣпостное право. Изъ-за него по Россiи шли крестьянскiя волненiя, — правительству то и дѣло приходилось усмирять ихъ войсками. Изъ-за него глухо негодовала лучшая часть образованныхъ людей,—правительство неустанно ссылало ихъ въ Сибирь. Самъ Николай Павловичъ пола-

*) Полагаютъ, что это были тайные агенты полицiи.

галъ, что государство, истребляющее собственный народъ, можетъ быть могущественно. Но при первомъ же серьезномъ столкновеніи съ просвѣщенными странами въ 1854 году это удивительное заблужденіе разсѣялось, какъ дымъ. Весь тогдашній черноморскій флотъ пришлось истребить. Сухопутная армія, ограбляемая казнокрадами и руководимая тупоумными и невѣжественными генералами, не сумѣла отстоять Севастополь. Ея вожди умѣли воевать лишь съ безоружными крестьянами, но не съ непріятельскими войсками. На закатѣ своихъ дней Николай I сталъ жаловаться, что у него «нѣтъ людей». Да ихъ не могло быть, ибо лучшіе русскіе люди лишь случайно спасались отъ разстрѣла, висѣлицы и каторги. А кому удавалось уцѣлѣть, тѣ не могли служить правительству, защищавшему крѣпостное право. Около крѣпостного права все вертѣлось и къ нему возвращалось. Разумѣется, были люди, понимавшіе, что дѣло не въ этомъ только проклятомъ правѣ, а въ его источникѣ,—въ самодержавіи. Напр., знаменитый писатель Бѣлинскій еще въ 1847 г. говорилъ: «Самые живые, самые общенародные вопросы теперь въ Россіи: уничтоженіе крѣпостного права, отмѣна тѣлеснаго наказанія, введеніе по возможности строгаго выполненія хотя тѣхъ законовъ, которые уже есть», но вслѣдъ затѣмъ онъ добавлялъ: надо спасти и защитить русскій народъ отъ русскаго самодержавія *). Многіе, однако, полагали, что можно ограничиться лишь отмѣною крѣпостного права, что въ немъ источникъ всѣхъ золъ, и что если его уничтожить, то въ Россіи жизнь можно устроить хорошо. Такого же мнѣнія склонно было держаться и правительство. И вотъ передъ освобожденіемъ крестьянъ по закону 19 февраля 1861 г. и нѣкоторое время послѣ 19 февраля заботы о всемѣрномъ сокращеніи наукъ и грамотности какъ бы исчезаютъ. Школьное дѣло начало понемногу развиваться. Въ гимназіяхъ и университетахъ появились запрещенныя въ царствованіе Николая I науки. Для народа стали печататься хорошія и понятныя книги. Но это оживленіе кончилось довольно скоро. Въ маѣ 1866 года, по повелѣнію государя Александра II, министры принялись «соображать мѣры», какъ недопустить народъ къ тѣмъ книгамъ, которыя хоть и разрѣшены цензурой, но правительству непріятны. Для этой работы съ Высочайшаго разрѣшенія министру народнаго просвѣщенія и оберъ-прокурору синода графу Дмитрію Толстому изъ казначейства были отпущены деньги. Министры думали 3 года, какъ учредить «особый надзоръ за книгами для народнаго чтенія». Мѣры, предложенныя министромъ на-

*) Изъ письма Бѣлинскаго къ Гоголю.

роднаго просвѣщенія, были одобрены государемъ 19 мая 1869 года. Мѣры министра внутреннихъ дѣлъ одобрены нѣсколько раньше. Вкратцѣ и тѣ и другія сводятся къ слѣдующему.

По распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ, цензура, не отмѣненная и послѣ манифеста 17 октября 1905 г., тѣмъ строже относится къ сочиненію, чѣмъ оно дешевле и понятнѣе написано. Что разрѣшается печатать въ дорогихъ книжкахъ, то безусловно запрещается въ книжкахъ дешевыхъ. Бывало много случаевъ, когда цензура соглашалась разрѣшить книгу только при томъ условіи, если цѣна будетъ повышена, то есть если книга станетъ недоступна малоимущему читателю.

Почтовыми же правилами удалось значительно удорожить народные газеты и журналы. Напр., за пересылку еженедѣльнаго журнала берется 14 копѣекъ въ годъ съ каждаго рубля подписной платы, такъ что если журналъ стоитъ шесть рублей, то за пересылку почта беретъ 84 коп., но при этомъ установлено меньше 80 коп. не брать. И хотя еженедѣльный журналъ въ два печатныхъ листа можно бы издавать за подписную плату 1 рубль въ годъ, но, разъ одна пересылка стоитъ 80 коп., конечно, такой дѣйствительно общедоступный журналъ невозможенъ. За пересылку ежедневныхъ газетъ почта беретъ 18 коп. съ рубля. Значитъ, если газета стоитъ семь рублей, то почтѣ надо платить 1 р. 36 коп. Но установлено, чтобы меньше 1 р. 20 коп. за пересылку ежедневныхъ газетъ не брать. Поэтому пересылка трехрублевой газеты стоитъ не 54 коп., какъ бы слѣдовало по нынѣшней, довольно высокой таксѣ, а 1 р. 20 коп. Льготы допускаются лишь для изданій, поддерживающихъ самодержавіе.

Доступъ къ дорогимъ книгамъ облегчаютъ библіотеки и читальни. Но библіотеки и читальни никто не имѣетъ права открывать безъ разрѣшенія. А во многихъ мѣстахъ разрѣшенія приходилось просить нѣсколько лѣтъ, и все-таки въ отвѣтъ на просьбы получался лишь отказъ.

Положимъ, однако, разрѣшеніе удалось получить. Но въ библіотекѣ или читальнѣ, если онѣ предназначены для народа, т. е. для бѣдняковъ, разрѣшается имѣть далеко не всѣ книги, дозволенныя цензурой, а только тѣ, которыя сверхъ цензуры одобрены еще ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія. Ученымъ же комитетомъ одобряются только тѣ книжки, въ которыхъ говорится угодное правительству. Поэтому неодобренными, а слѣдовательно и недоступными народу оказались сочиненія лучшихъ русскихъ писателей и всѣ лучшія газеты.

Можно бы пользоваться библіотеками при начальныхъ училищахъ. Но онѣ подчинены тѣмъ же правиламъ. Если бы сельское общество захотѣло въ свою школу купить книгъ на собственныя средства, ему этого не позволили бы: можно покупать тольке тѣ, которыя одобрены ученымъ комитетомъ.

Это правило распространено также на библіотеки городскихъ училищъ, учительскихъ семинарій, даже гимназій и реальныхъ училищъ, хотя оно совершенно незаконно. Такого закона, который запрещаетъ имѣть книги, разрѣшенныя цензурой, нѣтъ. Запрещеніе это основывается лишь на бумагѣ, которую представлялъ Александру II министръ Толстой, и на которой рукою того же министра Толстого написано: «Высочайше одобрено». Съ 19 мая 1869 года, когда эта бумага была представлена Гесударю, она дѣйствуетъ вплоть до 1906 г.; дѣйствуетъ еще и теперь.

Итакъ, всѣ мѣры къ тому, чтобы народъ не имѣлъ доступа къ разумнымъ, дешевымъ и понятно написаннымъ (напр., безъ иностранныхъ словъ) книгамъ были приняты. Одновременно принимались мѣры, чтобы затруднить народу доступъ къ школьному образованію. Выше уже говорилось, какъ при Николаѣ I крестьянъ и мѣщанъ правительство не пускало учиться только потому, что они принадлежатъ «къ податнымъ сословіямъ». Такъ и объяснялось въ указахъ и циркулярахъ. Но 19 февраля 1861 г. крестьяне были объявлены «полноправными, свободными сельскими обывателями». И, слѣдовательно, прежнія объясненія сдѣлались неудобными. Понадобилось изобрѣсти другія.

При уничтоженіи крѣпостного права много говорилось о томъ, какъ гибнетъ народъ отъ неграмотности. Правительство не спорило противъ этой очевидной истины. Однако, устраивать школы не спѣшило. Тогда образованные люди рѣшились помочь народному горю своими средствами. И стали возникать такъ называемыя воскресныя школы. Здѣсь интеллигенція, пользуясь своими свободными отъ работы днями (праздничными и воскресными), обучала и дѣтей и взрослыхъ грамотѣ. По распоряженію властей 10 іюня 1862 г., воскресныя школы были всюду закрыты, и одновременно правительство возбудило вопросъ: «въ какой мѣрѣ учрежденіе воскресныхъ школъ согласно съ ученіемъ православной церкви?...» Вопросъ этотъ обсуждался долго—цѣлыхъ 12 лѣтъ. Только въ 1868 году Синодъ рѣшилъ, что «существованіе воскресныхъ школъ вполнѣ сообразно съ правилами церкви». И только въ 1874 г. правительство согласилось, наконецъ, съ мнѣніемъ Синода и признало, что воскресныя школы могутъ существовать съ разрѣшенія начальства. Но добиться этого разрѣшенія удавалось весьма немногимъ.

Однако, постоянныя школы все-таки существовали. Земство, учрежденное въ 1864 г., получило право открывать и содержать новыя школы. Прежніе указы, запрещавшіе «податнымъ сословіямъ» поступать въ гимназію, потеряли и силу, и смыслъ. Значитъ, дѣти крестьянъ свободно могли переходить изъ приходскаго училища въ уѣздное, изъ уѣзднаго въ гимназію, изъ гимназіи въ университетъ, такъ какъ еще по плану Екатерины II и Александра I школа высшаго разряда была продолженіемъ школы низшаго разряда, и переходъ изъ одного разряда въ другой совершался безпрепятственно. Но при Александрѣ II эта опасность для правительства была быстро устранена. Министерство велѣло учителямъ учить по новымъ программамъ. Въ начальныхъ школахъ стали учить не тому, что нужно въ уѣздномъ или городскомъ училищѣ *), а въ городскихъ и уѣздныхъ училищахъ не тому, что нужно въ гимназіи. Иначе говоря, вмѣсто порядка и согласованности, были заведены безпорядокъ и полная несогласованность. И вышло вотъ что. Окончившій курсъ начальнаго или приходскаго училища, мальчикъ по однимъ предметамъ (напр., по ариѳметикѣ) вполнѣ подготовленъ, чтобы поступить въ 5-ое отдѣленіе городского училища, зато другихъ (естествовѣдѣнія, географіи, исторіи) онъ совершенно не знаетъ, и потому его можно принять только въ 3-ье отдѣленіе. То есть ребенокъ понапрасну теряетъ цѣлыхъ 2 года. Ученикъ же, окончившій городское училище, по ариѳметикѣ, напримѣръ, можетъ, пожалуй, выдержать выпускной экзаменъ изъ 8 класса гимназіи; за то по другимъ предметамъ онъ не годится и во 2-ой классъ. Да во 2-ой классъ его и не примутъ, такъ какъ переросъ. А такъ какъ объявленъ былъ законъ, что въ университетъ принимаются лишь имѣющіе аттестатъ объ окончаніи гимназіи **), то, очевидно, что къ высшему образованію получили доступъ лишь тѣ, кто имѣетъ возможность поступить прямо въ гимназію. Этотъ новый планъ былъ выполненъ министромъ Толстымъ. И выполнивши его, г. Толстой во всеуслышаніе говорилъ въ 1875 г.: «наше правительство не дѣлаетъ никакого различія въ своихъ училищахъ ни по вѣроисповѣданіямъ, ни по сословіямъ». Дѣйствительно, въ законѣ о гимназіяхъ до сихъ поръ написано: «въ гимназіи обучаются дѣти всѣхъ состояній, безъ различія званія и вѣроисповѣданія» (ст. 1487 т. XI св. зак.). Такимъ образомъ, правительство безбоязненно вернулось на бумагѣ къ просвѣщенному абсолютизму Екатерины II, ибо на дѣлѣ оно уже устранило «полноправныхъ, свободныхъ сельскихъ обывателей», а съ

*) Городскія училища учреждены въ 1872 г. взамѣнъ уѣздныхъ.
**) Такъ называемый аттестатъ зрѣлости.

ними вмѣстѣ и громадное большинство «городскихъ обывателей» отъ высшей школы.

Однако, «обыватели» пытались сопротивляться. Не смотря на всѣ препоны, не смотря на чрезмѣрную плату за ученіе, крестьянскія и мѣщанскія дѣти проникали въ гимназію. Они вынудили, наконецъ, правительство даже на бумагѣ отказаться отъ «просвѣщеннаго абсолютизма». И въ 1887 году министръ Деляновъ приказалъ «освободить гимназію» отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей,—дѣтей коихъ... вовсе не слѣдуетъ выводить изъ среды, къ коей они принадлежатъ».

Затѣмъ пришлось высказаться откровенно и вообще о грамотности. При Екатеринѣ II предполагалось открывать школы «въ каждомъ селѣ или большой деревнѣ», по одной на 100 семей, съ тѣмъ, чтобы обученіе мальчиковъ было обязательнымъ. Но эта мысль была заброшена. И во времена Александра I правительство откровенно высказалось, что «обучать грамотѣ весь народъ—вредно». Послѣ освобожденія крестьянъ министръ Толстой находилъ, что мнѣніе екатерининской коммисіи справедливо: «единственное вѣрное средство для образованія народа—говорилъ онъ—есть обязательность начальнаго обученія». Въ 1862 г. особый комитетъ изъ высшихъ чиновниковъ высказался за то, что первоначальное обученіе должно быть обязательнымъ. Но это постановленіе было записано лишь на бумагѣ. А черезъ два года правительство уже стало говорить, что обязательнаго обученія не нужно. Предложеніе о содержаніи начальныхъ школъ за счетъ государства было отвергнуто. Установлено было, что средства на содержаніе школъ должно изыскивать земство, городскія и сельскія общества. Однако, правительство требовало, чтобы мѣстныя средства употреблялись на обязательные по уставу о земскихъ повинностяхъ расходы. Къ этимъ обязательнымъ расходамъ относятся: содержаніе секретарей губернскихъ по городскимъ и земскимъ дѣламъ присутствій, содержаніе полиціи, содержаніе подводъ для безплатнаго проѣзда чиновниковъ, устройство и содержаніе арестныхъ домовъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ содержаніе конной жандармской команды и т. д. Устройство же школъ не отнесено къ обязательнымъ расходамъ. А такъ какъ забота о начальномъ образованіи крестьянъ была передана въ руки главнымъ образомъ земства, то отъ доброй воли земцевъ и стало зависѣть,—устраивать школы или не устраивать.

Въ земствахъ преобладаніе было отдано дворянамъ. И все направленіе земскихъ дѣлъ зависѣло главнымъ образомъ отъ дворянъ.

Дворяне же еще во времена Екатерины II высказывались, что грамота только портитъ крестьянъ. Среди дворянства находилось не мало противниковъ закона 19 февраля 1861 г., не мало было и противниковъ народнаго образованія. Отсюда возникала надежда для однихъ и опасеніе для другихъ, что необязательность расходовъ на школы поведетъ къ отсутствію школъ. Къ счастью, земства отнеслись къ народному образованію въ большинствѣ сочувственно. Но въ первое время на это дѣло у нихъ совершенно не было средствъ. «Во многихъ губерніяхъ—говоритъ, напр., Джаншіевъ въ своей книгѣ «Эпоха великихъ реформъ»,—переданный въ распоряженіе земства сборъ не превышалъ 40—50 тысячъ рублей, а между тѣмъ на содержаніе однихъ земскихъ учрежденій нужно было тратить 80,000—100,000 руб. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, земство рѣшилось усилить налогъ съ фабрикъ, заводовъ и другихъ торговопромышленныхъ предпріятій. Но правительство рѣшительно этому воспротивилось». Петербургская земская управа нашла это вмѣшательство правительственной власти незаконнымъ и рѣшила не исполнять требованій губернатора. Въ концѣ концовъ по Высочайшему повелѣнію петербургское земство 6 января 1867 г. было закрыто. Земства другихъ губерній послѣ этого покорились. И такимъ образомъ они оказались безъ возможности усилить доходы, съ непомѣрно тяжелыми обязательными расходами и съ крайне ничтожными крохами на устройство школъ. Тѣмъ не менѣе въ 1868 г. земства удѣлили изъ своихъ средствъ на начальное народное образованіе 408,000 руб.; 40 лѣтъ назадъ это была большая сумма, а главное непривычная: правительство на низшую школу столько не тратило. Въ 1869 г. земскій расходъ на образованіе удвоился. Но это была, конечно, капля въ морѣ нужды.

И вотъ начинается длинный рядъ земскихъ ходатайствъ о введеніи обязательнаго обученія. Сначала правительство отвѣчаетъ какъ бы съ сожалѣніемъ: «хотя—пишетъ оно въ 1871 и 1872 г.—обязательное обученіе и желательно, но въ настоящее время невозможно». А когда земства стали доказывать, что это и возможно, и необходимо, министерство народнаго просвѣщенія принялось оправдывать свои отказы ссылками на то, будто имъ уже разрабатывается «общій вопросъ о введеніи обязательнаго обученія въ имперіи». Любопытно, между прочимъ, одно совпаденіе. Такой отвѣтъ встрѣчаемъ впервые въ 1875 г., когда въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, дѣйствительно, разрабатывался «общій вопросъ», но о другомъ, а именно о томъ, какъ «стѣснить дальнѣйшій притокъ учащихся въ высшія учебныя заведенія». А затѣмъ одинъ изъ со-

трудниковъ министра Толстого, П. П. Леонтьевъ, открыто заявилъ: «необходимо всѣми силами бороться противъ народнаго образованія: если Россія сопротивлялась еще сколько-нибудь успѣшно духу времени (т. е. замѣнѣ самодержавія народнымъ представительствомъ), то этимъ мы обязаны до извѣстной степени безграмотности русскаго народа». Мысль эту горячо поддерживалъ оберъ-прокуроръ синода Побѣдоносцевъ, имѣвшій громадное вліяніе на дѣла при государѣ Александрѣ III. Онъ сохранилъ вліяніе и послѣ своей отставки въ октябрѣ 1905 г. Побѣдоносцевъ также заявлялъ печатно, что «безусловно вредно распространеніе народнаго образованія». И эти слова онъ говорилъ не на вѣтеръ. Многіе города по нѣскольку разъ просили разрѣшенія открыть среднія учебныя заведенія,—имъ въ этомъ отказывалось. Тщетно земства просили у правительства помощи на школьное дѣло,—они добились лишь того, что въ 1890 г. вышелъ новый законъ о земскихъ учрежденіяхъ, а по этому закону власть дворянъ и богачей въ земствѣ была усилена. Дѣйствительно, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ послѣ такого закона заботы о народномъ образованіи ослабѣли. Но въ другихъ земство продолжало стремиться къ тому, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста могли получить мѣсто въ школѣ. Въ концѣ концовъ правительство издало законъ о такъ называемой «фиксаціи земскаго обложенія». По этому закону земство лишено права увеличивать налогъ больше, какъ на $^3/_{100}$ сравнительно съ прошлымъ годомъ. То есть, если, положимъ, въ нынѣшнемъ году земство беретъ налога 1,000 р., то на слѣдующій годъ оно не можетъ взять больше 1,030 р. При чемъ не скрывалось, что этотъ законъ направленъ противъ необязательныхъ расходовъ вообще, а въ особенности противъ главнаго необязательнаго расхода на народное образованіе. Такими способами удалось всемѣрно затруднить народу доступъ къ образованію.

Гораздо труднѣе было достигнуть, чтобы наука не противорѣчила ни самодержавію, ни мнѣніямъ духовенства. Въ высшихъ школахъ устранить это противорѣчіе не удалось. Пришлось ограничиться тѣми же мѣрами, какія употреблялись и во времена Николая I. Какъ и прежде, самые лучшіе профессора подвергаются чаще всего изгнанію, а на ихъ мѣсто порою сажаютъ людей мало подготовленныхъ (такому изгнанію подверглись, напр., ученые: Эрисманъ, Милюковъ, Ковалевскій). Для надзора за студентами въ высшихъ школахъ введена была особая полиція,—съ главнымъ начальникомъ—инспекторомъ и нижними чинами—педелями. Заведены шпіонство, подслушиваніе, тайные и явные обыски. Молодой человѣкъ, пріѣхавшій чаще всего на послѣднія родительскія средства учиться, попадаетъ въ такія

условія: учиться порою не у кого, ибо дѣльныхъ профессоровъ слишкомъ мало, да и невозможно учиться, ибо для ученья нужно спокойствіе, а какое ужъ тутъ спокойствіе, когда кругомъ педеля, шпіоны, когда за каждое неосторожное слово, подслушанное или даже перевранное шпіономъ, товарищи попадаютъ въ тюрьму и въ ссылку? Это одна изъ причинъ, почему, начиная съ 1861 г. до нынѣшняго дня, въ Россіи то и дѣло шли студенческія волненія. Стоило студенту попасть въ высшую школу, и онъ уже на собственномъ опытѣ видѣлъ, что при порядкахъ, установленныхъ ради сохраненія самодержавія, нельзя учиться.

Конечно, есть и другая причина волненій. Молодое сердце—горячо и отзывчиво. Кто дошелъ до высшей школы, тотъ въ большинствѣ уже знаетъ, отчего народъ въ нищетѣ и кѣмъ онъ разоренъ. А зная это, нельзя удержаться, чтобы не помочь народу или по крайней мѣрѣ выразить негодованіе противъ поработителей и угнетателей родной страны. Это молодое и горячее состраданіе къ народу прорывалось во всѣхъ студенческихъ волненіяхъ. Послѣ каждаго волненія правительство усиливало полицейскій надзоръ за высшими школами, а, слѣдовательно, дѣлало еще болѣе неизбѣжными новыя волненія. Въ концѣ концовъ занятія въ высшей школѣ сдѣлались совершенно невозможными. Они прекратились почти во всей Россіи въ 1904 г. Бездѣйствовала школа и въ 1905 г. И теперь уже для всѣхъ ясно, что работа въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ немыслима до тѣхъ поръ, пока не будетъ упразднено самодержавіе. И если самодержавіе не будетъ упразднено, то Россія неминуемо окажется безъ врачей, безъ учителей, безъ инженеровъ, безъ адвокатовъ, безъ судей, т. е. страной безпомощной и беззащитной.

Для среднихъ школъ въ царствованіе Александра II удалось придумать кое-что, прежде не бывалое. Задача упразднить изъ гимназической науки все, опасное для самодержавія и для духовенства, была возложена на гр. Д. А. Толстого. Онъ поступилъ такъ. Главное мѣсто велѣлъ отвести латинскому и греческому языку *). Дѣло все въ томъ, что на этихъ языкахъ теперь ужъ никто не говоритъ,—они мертвые. А учить ихъ трудно. И вотъ гимназисту приходилось большую часть времени тратить на то, чтобы зубрить латинскую и греческую грамматику. Такъ же велѣно было преподавать и другія науки. По исторіи ученикъ долженъ знать наизусть, какіе у разныхъ народовъ цари были, когда, гдѣ и какія битвы были;

*) Такъ какъ греческій и латинскій языки называются классическими, то и гимназіи, устроенныя по плану гр. Толстого, стали называться классическими.

по географіи—названія рѣкъ и городовъ; по ариѳметикѣ,—онъ все время рѣшаетъ безчисленное множество задачъ и т. д. И такимъ образомъ вся наука сводится къ тому, чтобы заучивать наизусть мелочи, а главнаго не знать. Гимназистъ, окончившій курсъ, знаетъ, сколько главъ было въ сводѣ законовъ византійскаго императора Юстиніана, и какъ каждая глава называется по-латыни и по-гречески, но какіе это были законы, и какъ въ нихъ говорилось о верховной власти, о народѣ, ему неизвѣстно. Онъ заучилъ имена царей, бывшихъ въ американскомъ государствѣ Перу, и знаетъ, кѣмъ это государство уничтожено, но не знаетъ, для чего учреждено волостное правленіе, какая разница между мировымъ судьею, городскимъ судьею и земскимъ начальникомъ, и что такое выкупные платежи, и почему они такъ волнуютъ крестьянъ, и на какомъ основаніи введено крѣпостное состояніе и розданы земли дворянамъ. Онъ знаетъ названія большихъ и малыхъ рѣкъ въ Африкѣ, но ему неизвѣстно, какіе есть законы о пользованіи берегами той русской рѣки, на которой онъ живетъ, для чего существуетъ рѣчная полиція, и отчего часть рѣкъ и озеръ еще до сихъ поръ считается общегосударственной собственностью, а другая уже отошла къ помѣщикамъ и богачамъ. Гимназистъ долженъ знать, какими заводами и фабриками славится каждый большой городъ въ Европѣ, Америкѣ и Азіи, но онъ не знаетъ, что такое рабочіе союзы, почему они запрещены въ Россіи, какъ создалась фабричная инспекція, откуда берется прибыль фабриканта и т. д. Словомъ, гимназія устроена такъ, чтобы въ ней ребенокъ выучивалъ наизусть много книгъ, чтобы ему не было времени ни о чемъ, кромѣ этихъ книгъ, подумать, и чтобы онъ ничего дѣйствительно нужнаго и важнаго для жизни не узналъ и не понималъ. Окончившій курсъ гимназистъ—въ сущности измученный непосильной зубрежкой, ни къ какому дѣлу не подготовленный невѣжда. Впрочемъ, правительство такъ и объявило, что гимназіи готовятъ не къ жизни, не къ полезному дѣлу, а лишь къ поступленію въ университетъ *). А для подготовки къ жизни разрѣшило открывать особыя реальныя училища, въ которыхъ нѣтъ латинскаго и греческаго языка. Но и въ реальныхъ училищахъ обученіе ведется по тому же образцу, какъ и въ гимназіи: много названій, мелочей, цифръ, и полное отсутствіе самаго главнаго. Такая же фальшивая наука введена и во всѣхъ другихъ училищахъ. Для подготовки, напр., учителей

---

*) Надо замѣтить, что гимназисту въ университетѣ приходится учиться заново, ибо гимназія не подготовляетъ къ пониманію высшихъ наукъ.

городскихъ училищъ открыты учительскіе институты. Въ нихъ ученики учатся и пѣнію, и древодѣланію, и игрѣ на мѣдныхъ трубахъ, заучиваютъ имена римскихъ императоровъ и французскихъ королей, но совершенно не учатъ законовъ о школахъ, о книгахъ, о библіотекахъ, объ учительскихъ правахъ и обязанностяхъ. То же самое и въ учительскихъ семинаріяхъ. Тотъ же порядокъ перенесенъ и въ начальныя школы.

За учителемъ сельской школы строго наблюдаютъ инспектора и священники, чтобы «не преподавалось предметовъ, по закону для начальныхъ народныхъ училищъ не положенныхъ». Это значитъ, что учитель не имѣетъ права разъяснять дѣтямъ, напр., законы о крестьянахъ, о землѣ. Министръ Толстой изъялъ преподаваніе законовъ изъ всѣхъ почти школъ. Учитель не имѣетъ права преподавать исторію Россіи. Если бы онъ вздумалъ, напр., объяснить изъ-за чего происходило возстаніе народа въ смутное время, или на какихъ условіяхъ земскимъ соборомъ вручена царская корона первому государю изъ дома Романовыхъ Михаилу Ѳедоровичу, и какимъ образомъ крестьянство обращено было въ рабство,—то ему грозила бы ссылка. Учитель не въ правѣ сказать, что такое выкупные платежи и крестьянскій банкъ. Онъ не смѣетъ преподавать географіи, и бывали случаи, когда учитель, сказавшій въ школѣ, что земля кругла и вращается вокругъ солнца, лишался должности. Онъ не имѣетъ права объяснить, почему Россія называется государствомъ полицейскимъ, а другія государства правовыми. Въ начальныхъ училищахъ разрѣшены лишь: 1) законъ Божій, 2) чтеніе по книгамъ гражданской и церковной печати, 3) письмо, 4) первыя 4 дѣйствія ариѳметики 5) церковное пѣніе (ст. 3471, т. XI св. законовъ).

Законъ Божій сводится къ заучиванію наизусть 3 книжекъ— молитвенника, священной исторіи и катехизиса. Письмо,— къ заучиванію многихъ правилъ о буквѣ ѣ и безчисленнымъ диктовкамъ. Ариѳметика,—къ рѣшенію разныхъ хитрыхъ задачъ и примѣровъ со скобками. Затѣмъ идетъ церковная грамматика, изъ которой нужно знать придыханія, каморы, кавыки. Въ концѣ концовъ дѣла набирается много. Обыкновенно, ученикъ не осиливаетъ его въ 3 года и учится 4, а иногда и 5 лѣтъ. А черезъ годъ послѣ экзамена оказывается, что молитвенникъ, священная исторія и катехизисъ забыты, правила о буквѣ ѣ, а также никому ненужные кавыки каморы и придыханія тоже: осталась лишь первоначальная грамота, которую при правильномъ обученіи можно постигнуть въ одну зиму,— много въ двѣ. А помимо школы учиться тому, что нужно знать, чаще всего некогда: ребенокъ уже выросъ, ему пора кормить себя,

помогать семьѣ; два—три года самыхъ лучшихъ для ученья, безвозвратно потеряны, благодаря школѣ.

Земскіе учителя старались, по мѣрѣ силъ и подъ страхомъ отвѣтственности сообщать дѣтямъ хоть кое-какія крохи сверхъ того, что назначено по закону. Ариѳметическія, напр., задачи они примѣняли къ обиходу крестьянской жизни. Во время чтенія мелькомъ, урывками говорили, какъ живутъ люди въ разныхъ странахъ, какъ жили русскіе прежде, какъ правильнѣе вести сельское хозяйство. Земство сочувствовало этому,—разсылало по школамъ географическія карты, глобусы, историческія картины. Учителя объясняли также непонятныя въ деревнѣ слова, которыя, однако, необходимо понимать, чтобы читать книги и газеты. Это обстоятельство не укрылось отъ правительства. Въ 1884 г. оберъ-прокуроръ Синода Побѣдоносцевъ въ своемъ докладѣ государю Александру III рѣшительно порицалъ тѣ школы, которыя «распространяютъ въ народѣ реальныя знанія», т. е. такія именно знанія, которыя нужны въ жизни. Но еще раньше 1884 года было рѣшено учредить новыя школы, въ которыхъ никакихъ знаній, нужныхъ для жизни, ученикъ получить не можетъ. Планъ этихъ школъ разработанъ Побѣдоносцевымъ. Въ нихъ предполагалось ученика учить главнымъ образомъ церковной грамотѣ, чтенію богослужебныхъ книгъ и пѣнію по стариннымъ и совершенно вышедшимъ изъ употребленія книгамъ. Эти школы, подчиненныя духовенству, стали называться церковными. Съ 1886 г. правительство отпускаетъ на ихъ поддержку деньги. И Побѣдоносцевъ, рѣшительно признавшій, что «народное образованіе—вредно», старался насаждать церковныя школы. Это и понятно, такъ какъ онѣ никакого образованія не даютъ, а годы, когда ребенку можно учиться, отнимаютъ.

Оставалось еще одно убѣжище,—школы грамоты, которыя устраивали крестьяне на свои средства въ селахъ и деревняхъ. Дѣлалось это, обыкновенно, такъ: односельчане нанимали на зиму учителя, отводили ему избу, куда и собирались дѣтишки учиться. Школы эти долгое время существовали тайно, такъ какъ правительство преслѣдуетъ всякаго, кто безъ разрѣшенія откроетъ какое-бы то ни было училище. Въ 1882 г. министерство народнаго просвѣщенія согласилось, однако, что крестьяне имѣютъ право обучать своихъ дѣтей дома и приглашать къ себѣ на домъ такого учителя, какого они найдутъ для себя подходящимъ. Но затѣмъ школы грамоты были переданы въ вѣдѣніе духовенства: т. е. законъ обязалъ учить въ нихъ такъ же, какъ и въ церковныхъ школахъ, — главнымъ образомъ непригодной для жизни церковной грамотѣ и чтенію богослужебныхъ книгъ.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Нынѣ Россія стоитъ передъ той же задачей, передъ какою она стояла 200 лѣтъ назадъ, во времена Петра Великаго. Наука нужна гораздо больше, чѣмъ тогда. Разъ нѣтъ большого количества ученыхъ людей, разъ народъ неграмотенъ, наша родина неизбѣжно попадетъ подъ власть иностранцевъ и перестанетъ существовать, какъ самостоятельное государство. Японская война уже доказала, что наша армія совершенно неспособна бороться съ образованнымъ противникомъ. Школы, конечно, настоящія, а не поддѣльныя, для насъ — дѣло жизни и смерти. Безъ нихъ Россія неминуемо погибнетъ. Но съ другой стороны, если завести настоящія школы, то народъ быстро узнаетъ, почему онъ нищъ, почему у него отнята земля, почему у него отняты человѣческія права. А разъ онъ это узнаетъ, неминуемо погибнетъ самодержавіе, и неминуемо народъ возьметъ государственную власть въ свои руки. Что же сохранять? Самодержавіе ли, при которомъ немыслимо образованіе, и при которомъ, очевидно, Россія идетъ къ гибели? (А разъ Россія погибнетъ, то погибнетъ и ея самодержавное правительство). Или надо спасать Россію, а слѣдовательно прежде всего упразднить самодержавіе, ибо иначе невозможно народное образованіе?

Мы зашли въ тупикъ. Выхода нѣтъ. Приходится выбирать одно изъ двухъ. Правда, наши министры дѣлаютъ видъ, будто выходъ есть. Уже нѣсколько лѣтъ они пишутъ проекты. Сначала писалъ Ванновскій, потомъ Зенгеръ, затѣмъ Глазовъ, Толстой и т. д. Всѣ они говорили и говорятъ о какомъ-то переустройствѣ школьнаго дѣла; въ послѣднее время правительство обсуждаетъ даже «вопросъ о всеобщемъ обученіи», оно предполагаетъ даже внести свои проекты въ Государственную Думу. Но какая цѣна всѣмъ этимъ обсужденіямъ и проектамъ?

Можно построить нѣсколько новыхъ университетовъ, — денегъ на это много не потребуется. Но въ нихъ нельзя допускать науку, ибо она ведетъ къ народовластію, а правительство хочетъ сохранить самодержавіе. Значитъ, новые университеты будутъ стоять такъ же праздно, какъ и всѣ нынѣшніе высшія школы.

Можно открыть новыя гимназіи, но въ нихъ невозможно настоящее ученье. Можно завести въ каждой деревнѣ школу. Но нельзя допускать, чтобы въ этихъ школахъ дѣти дѣйствительно учились тому, что для нихъ нужно, безъ чего человѣку невозможно разумно устроить свою жизнь. Вѣдь даже тѣ крохи науки, ко-

торыя обязанъ учитель преподать дѣтямъ, говорятъ, что хозяинъ государства народъ, что потому верховная власть должна принадлежать народу, и что каждый человѣкъ долженъ быть свободнымъ. Правители же, вродѣ Побѣдоносцева и Дмитрія Толстого, хотятъ внушить дѣтямъ, что хозяинъ въ государствѣ вовсе не народъ, и что поэтому народъ долженъ безпрекословно исполнять приказанія начальства и не разсуждать. И самодержавію необходимо, чтобы дѣтямъ внушались именно эти, а не другія мысли.

Выходъ возможенъ лишь одинъ:

— Кто хочетъ, чтобы были школы, чтобы Россія была образованной страной и не погибла, тому необходимо сначала добиться отмѣны самодержавія, и установленія гражданской свободы. Ибо пока это недостигнуто, народное образованіе существовать не можетъ.

Редакторъ-издатель **В. Б. Петрищевъ**.

Отъ Редакціи:

Въ слѣдующей книжкѣ „Природы и Школы“ будетъ помѣщенъ очеркъ:

„Изъ исторіи кабаковъ въ Россіи“.

